

ПОКУШЕНИЕ НА ПРЕСТУПЛЕНИЕ И ФАКТИЧЕСКАЯ ОШИБКА

О. С. Хорошилова

THE ATTEMPT AT CRIME AND THE FACTUAL ERROR

O. S. Khoroshilova

В статье рассматривается проблема соотношения таких понятий, как «покушение на преступление» и «фактическая ошибка». Подробно анализируя понятия «покушение на преступление» и «фактическая ошибка», автор приходит к выводу, что данные понятия соотносятся как причина и следствие и не исчерпываются друг другом.

The paper deals with problems of correlation of attempts at crime and factual errors. The author analyzes the concept of attempt and the concept of factual error and comes to the conclusion that an attempt and an error are related like cause and effect and are not the same.

Ключевые слова: покушение на преступление, неоконченное преступление, фактическая ошибка, обстоятельства недоведения преступления до конца.

Keywords: attempt, uncompleted crime, factual error, cause of uncompleted crime.

Общее правило квалификации при наличии фактической ошибки гласит: действия лица должны оцениваться по направленности умысла как покушение на задуманное лицом преступление, что приводит нас к необходимости выяснения соотношения понятий «фактическая ошибка лица» и «покушение на преступление». Сначала определимся с содержанием указанных понятий, а потом проанализируем их взаимодействие.

В ч. 3 ст. 30 Уголовного кодекса Российской Федерации покушение на преступление определяется как умышленные действия (бездействие), непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам. Данное определение не раз подвергалось критике в научной литературе (см., напр.: [5, с. 264 – 265; 8, с. 128 и др.]).

Основным доводом против законодательно закрепленного понятия покушения выдвигалась расплывчатость формулировки «действия (бездействие), непосредственно направленные на совершение преступления». Обычно под непосредственным совершением преступления понимается выполнение объективной стороны (см., напр.: [12, с. 78]), но некоторые авторы расширяют его за счет включения и создания условий, непосредственно предшествовавших действиям (бездействиям), направленным на исполнение преступления [8, с. 128, 141]. Последняя позиция вызывает возражения, поскольку приводит к смешению приготовления и покушения.

А. П. Козлов полностью отвергает формулировку закона, поскольку в ней процесс совершения преступления отождествляется только со стадией исполнения преступления [5, с. 264 – 265], что, безусловно, неверно, так как процесс совершения преступления включает в себя и стадию создания условий.

В то же время, несмотря на критику законодательного определения покушения, предлагаемые рассматриваемыми авторами собственные формулировки покушений имеют ряд недостатков. Основной недос-

таток нетрадиционных определений в том, что они не отражают процесса совершения преступления на стадии исполнения, а лишь указывают на отдельные моменты покушения. Так, А. И. Ситникова считает покушением на преступление «начало исполнения умышленных действий (бездействий), не доведенных до конца по либо не достигших преступного результата по обстоятельствам, не зависящим от лица, совершившего преступное деяние» [9, с. 148]. Получается, что оконченное покушение в традиционном понимании не входит в понятие покушения, сформулированное вышеприведенным образом, что, безусловно, нельзя признать верным. При этом указанный автор все же выделяет и анализирует в рамках общего понятия покушения такую его разновидность, как оконченное покушение [9, с. 117 – 119]. А. П. Козлов признает покушением «пресеченное виновное исполнение преступления от его начала до частичного наступления результата включительно» [5, с. 279]. При такой трактовке покушения, к ним не будут относиться уже неоконченные покушения в общеупотребительном смысле, поскольку при неоконченном покушении несмотря на выполнение деяния, входящего в объективную сторону, последствия, предусмотренные составом преступления не наступают. Примечательно, что автор все же выделяет неоконченное покушение и анализирует его в своей работе [5, с. 285 – 286].

Как нам представляется, уход в определении покушения от такой категории, как объективная сторона преступления, не будет продуктивным. Это связано с тем, что объективная сторона, как внешняя сторона состава преступления представляет собой одно, чаще несколько взаимосвязанных явлений окружающего мира и может непосредственно наблюдаться, что позволяет достаточно точно определить время, в течение которого совершается деяние, и время наступления последствий. Установление начального момента совершения деяния позволит четко отграничить покушение от приготовления. Приготовление всегда лишь создание условий для успешного совершения преступления, до начала выполнения деяния, входя-

щего в объективную сторону состава преступления. Очевидно, что начальным моментом выполнения объективной стороны конкретного состава преступления, будет начало выполнения деяния, предусмотренного Особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации. При этом необходимо помнить, что в некоторых случаях способ совершения преступления расширяет временные границы объективной стороны состава преступления. Например, незаконное проникновение в жилище при краже позволяет говорить о начале выполнения объективной стороны именно в момент открытия двери, а не в момент начала изъятия чужого имущества, т. е. в момент начала выполнения го действия, составляющего деяние, входящего в объективную сторону простой кражи. Такое возможно, если способ совершения преступления представляет собой не просто совокупность приемов и методов совершения преступления, а показывает то, каким именно образом совершается конкретное преступление. Данное понимание способа совершения преступления более характерно для криминалистики, где он выступает одной из центральных категорий для изучения. Но и для уголовного права осознание того факта, что способ преступления, наряду, например, с мотивом и целью преступления присутствуют во всех без исключения преступлениях, также важно, поскольку установление конкретного способа совершения преступления позволит в некоторых случаях правильно определить начало деяния, входящего в объективную сторону состава преступления, и отграничить приготовление от покушения. Сказанное не означает отнесение способа преступления к обязательным признакам состава преступления, так как наличие того или иного способа совершения преступления не всегда влияет на квалификацию деяния в целом.

Считаем целесообразным выделение следующих признаков покушения на преступление.

1. Покушение на преступление – выполнение объективной стороны преступления (данный признак позволяет задать временные рамки покушения, отразить необходимость учета не только времени совершения деяния как центрального признака объективной стороны, но и учета способа совершения преступления).

2. Деяние не доводится до конца либо задуманные последствия не наступают в полном объеме по причинам от воли лица независящим (этот признак поможет отграничить покушение от добровольного отказа от доведения преступления до конца).

3. Покушение на преступление всегда связано с умышленной формой вины (при неосторожном деянии до наступления, предусмотренных законом последствий, о преступлении речь не идет, лицо, с точки зрения уголовного права в целом действует правомерно; умысел лица направлен на наступление желаемых для него последствий).

Суммируя все признаки покушения, формулируем следующее определение: покушением на преступление признается умышленное выполнение объективной стороны состава преступления, предусмотренного Особенной частью Уголовного кодекса Российской

Федерации, если умысел лица не реализуется в полном объеме по независящим от лица обстоятельствам.

Совершая преступление, лицо может заблуждаться в некоторых обстоятельствах объективной действительности, что будет влечь за собой не полную реализацию намерений лица, вследствие чего задуманный преступный результат в полном объеме достигаться не будет. Речь идет о фактических ошибках.

В теории уголовного права традиционно фактическая ошибка рассматривается как заблуждение лица [13, с. 35; 9, с. 8], неверное знание, полученное под влиянием заблуждения [11, с. 5], неадекватное отражение в психике объективной действительности [6, с. 11] либо неверное (неправильное) представление лица [4, с. 16; 3, с. 8 – 9]. На наш взгляд, данные термины являются синонимами и могут употребляться одновременно [7, с. 770].

Однако существует иной подход к определению ошибки. Так, З. Г. Алиев отождествляет ошибку с самим психическим отношением лица в своем поведении и его последствиям, имеющим а интеллектуальном и (или) волевом моменте порок, обусловленный заблуждением лица о некоторых обстоятельствах [1, с. 7, 10]. По сути, автор родовым понятием для ошибки считает понятие вины, что не совсем верно. Действительно, ошибка связана с психическими процессами, протекающими в сознании лица, однако ими не является, поскольку неверное представление или заблуждение – это продукт психических процессов, протекающих в сознании лица.

Несмотря на практически единодушное понимание ошибки в уголовном праве, по-разному описывается объем тех обстоятельств, по поводу которых заблуждается лицо. Касается данное утверждение в первую очередь фактической ошибки.

Например, В. Ф. Кириченко наряду с традиционно выделяемыми фактическими ошибками в признаках состава преступления выделяет ошибки в общественной опасности деяния, говоря в том числе и об ошибках в правомерности действий при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния [4, с. 31 – 32, 80 – 90]. Сходную позицию занимает и З. Г. Алиев, но ошибки в обстоятельствах, исключающих преступность деяния, выделяются наряду с юридическими и фактическими ошибками [1, с. 5 – 6]. Также В. Ф. Кириченко говорит о фактических ошибках при совершении неосторожного преступления и при невиновном причинении вреда [4, с. 74 – 80]. На наш взгляд, такое расширение понятия фактической ошибки приводит к размыванию его границ, к невозможности вычленения признаков рассматриваемого явления, поскольку в рамках одного понятия соседствуют качественно разные явления: преступление и правомерное причинение вреда.

Обратная ситуация, когда понятие фактической ошибки чрезмерно сужено, представлена в работе Т. И. Безруковой. Автор полагает, что под фактической ошибкой следует понимать только неверное представление лица о завершенности охватываемого умыслом общественно опасного деяния, при причинении вреда объекту, охраняемому другой уголовно-правовой нормой, и при отсутствии признаков неоконченного преступления [2, с. 9, 13 – 15]. Можно

сделать вывод, что автор в качестве фактической ошибки предлагает рассматривать результативное покушение (т. е. покушение в результате совершения которого либо частично наступают задуманные последствия либо, это как раз рассматриваемый нами случай, наступают последствия, не охватываемые умыслом лица). Таким образом, полностью обособить неоконченное преступление от фактической ошибки все же не удалось. Нежелание применять при наличии фактических ошибок правила квалификации покушений на преступление обосновывается Т. И. Безруковой следующим: покушение как неоконченное преступление должно обладать обязательным признаком – недоведение преступления до конца по независящим от лица обстоятельствам, тогда как фактическая ошибка как раз обстоятельство, которое от лица зависит, поскольку допускается сознанием лица [2, с. 17]. Считаем, что данное утверждение спорно. То, что ошибка образуется при протекании психических процессов в сознании лица, бесспорно, однако от самого лица не зависит. Лицо ошибаться не намерено, оно стремится достигнуть преступного результата, а не прерваться на пути к нему, иначе зачем вообще действовать? Поэтому полагаем, что заблуждения, неверные представления лица можно считать обстоятельствами недоведения преступления до конца, которые от самого лица не зависят [3, с. 69]. Но для устранения подобных вопросов в будущем необходимо внести изменения в формулировку закона и уточнить, что причины недоведения преступления до конца не просто от лица не зависят, а не зависят от воли лица. Тем более что данный признак позволяет покушение на преступление отграничивать от добровольного отказа, одним из признаков которого выступает добровольность. При покушении на преступление воля лица направлена не на прекращение посягательства, а на его продолжение.

Вызывает возражение предложение Т. И. Безруковой при наличии фактической ошибки квалифицировать деяния как оконченные преступления по направленности умысла [2, с. 9 – 10, 20 – 23], то есть задуманные последствия в полном объеме не наступают, тем не менее содеянное должно квалифицироваться как оконченное преступление. На наш взгляд, такая квалификация недопустима, поскольку осуществляется «с запасом», нельзя считать оконченным преступлением такое деяние, объективная сторона которого не соответствует в полном объеме объективной стороне состава преступления, описанного в диспозиции уголовно-правовой нормы. Предложенная квалификация противоречит предписаниям ч. 1 ст. 29, ст. 8 Уголовного кодекса Российской Федерации, что влечет за собой утрату основания уголовной ответственности. Один умысел без деяния ничего не стоит, иначе уголовно наказуемыми следует признавать и обнаружение, и формирование умысла.

Считаем целесообразным придерживаться определения фактической ошибки как неверного представления лица о существенных обстоятельствах, относящихся к числу признаков состава преступления (объекту и объективной стороне) [12, с. 68].

Общим правилом квалификации при фактической ошибке выступает квалификация по направленности умысла, то есть как покушения, поскольку у лица есть умысел на совершение деяния и наступление определенных последствий, но из-за заблуждения лица указанные последствия не наступают. В предложенной ситуации налицо все три признака покушения, выделенные нами ранее: выполнение объективной стороны преступления не в полном объеме по причинам от воли лица не зависящим и наличие умысла лица на доведение преступления до конца. Наступление последствий не в полном объеме либо тех, которые не охватывались умыслом лица, также охватывается понятием покушения (результативным покушением). Однако нельзя все деяния, совершаемые лицами вследствие фактической ошибки расценивать как покушение на преступление, поскольку в некоторых, пусть и немногочисленных случаях, заблуждение лица будет влечь иную квалификацию. Так, фактическая ошибка может: 1) изменить форму вины (например, ошибка в средствах, когда лицо использует средство, сила действия которого кажется лицу намного меньше, чем на самом деле); 2) явиться обстоятельством, исключающим уголовную ответственность лица за совершенное деяние (например, ошибка в средствах, когда лицо использует абсолютно непригодное средство, с помощью которого невозможно причинить вред: заклинания, порча и др.); 3) служить основанием исключающим квалификацию содеянного с учетом отягчающих наказание обстоятельств (например, по ошибке причиняется смерть работнику правоохранительных органов при наличии умысла на лишение жизни обычного гражданина) [12, с. 68, 71, 76].

В науке уголовного права выделяют несколько видов ошибок, наличие которых всегда влечет квалификацию совершаемого деяния как покушения: это ошибка в средствах, когда для совершения преступления лицо использует негодное средство (покушение с негодными средствами), и ошибка в объекте, когда действия виновного объективно не могут причинить вред объекту (покушение на негодный (отсутствующий) объект) [12, с. 82].

В заключение отметим, что фактическая ошибка является одним из случаев недоведения преступления до конца по не зависящим от воли лица обстоятельствам, причем наиболее редко встречающимся, если сравнивать с пресечением преступления со стороны правоохранительных органов, либо самих потерпевших. В то же время квалификация деяния при наличии фактической ошибки как покушения на преступление не является единственно возможной (хотя и будет самой распространенной). Поэтому можно констатировать, что понятия «фактическая ошибка» и «покушение на преступление», во-первых, соотносятся друг с другом как причина (неверное представление, заблуждение) и следствие (нереализация умысла виновного в полном объеме, хотя лицо и приступает к выполнению объективной стороны преступления), во-вторых, пересекаются лишь частично (существуют покушения и без фактических ошибок, как существуют и другие варианты квалификации деяний при фактических ошибках, не связанные с покушением).

Литература

1. Алиев З. Г. Ошибка как особое обстоятельство оценки поведения субъекта преступления и ее уголовно-правовое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 25 с.
2. Безрукова Т. И. Фактическая ошибка: вопросы классификации и квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 26 с.
3. Благов Е. В. Назначение наказания: Теория и практика. Ярославль, 2002. 176 с.
4. Кириченко В. Ф. Значение ошибки по советскому уголовному праву. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 96 с.
5. Козлов А. П. Учение о стадиях преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 353 с.
6. Кочетков А. А. Фактическая ошибка и квалификация преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. 19 с.
7. Рарог А. И. Субъективная сторона преступления. Гл. 5 / Энциклопедия уголовного права. Т. 4: Состав преступления. Издание профессора Малинина. СПб., 2005. 796 с.
8. Редин М. П. Преступления по степени их завершенности: монография. М.: Юрлитинформ, 2006. 200 с.
9. Ситникова А. И. Приготовление к преступлению и покушение на преступление: монография. М.: Ось-89, 2006. 160 с.
10. Спиридонова Л. Э. Уголовно-правовое значение фактической ошибки при квалификации преступлений против жизни: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 33 с.
11. Фактулина М. Б. Юридические и фактические ошибки в уголовном праве (проблемы квалификации): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. 21 с.
12. Черненко Т. Г. Квалификация преступлений: вопросы теории и практики: монография. 2-е изд., перераб. и доп. Кемерово: Изд-во Кемеровского гос. ун-та, 2012. 188 с.
13. Якушин В. А. Ошибка и ее уголовно-правовое значение. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1988. 128 с.

Информация об авторе:

Хорошилова Ольга Сергеевна – аспирант кафедры уголовного права и криминологии КемГУ, ur010911@mail.ru.

Olga S. Khoroshilova – post-graduate student at the Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo State University.

(Научный руководитель: Черненко Тамара Геннадиевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного права и криминологии КемГУ.

Academic advisor: Tamara G. Chernenko – Doctor of Law, Full Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo State University).

Статья поступила в редколлегию 21.09.2015 г.